

Мрабца на молодого журналиста

№3 (15)
март
2000

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

VITA BREVIS

Нынешний консерваторский буфет – людное, шумное место. Множество неприбранной посуды на столах, навал курток и пальто на стульях, музыкальные инструменты в красивых футлярах, стоящие или лежащие рядом, смех, шум, гомон, особенно если какие-то столы сдвинуты и гудит, пусть и скромный по трапезе, праздник. Буфет (включая прилегающие холлы – для курящих) – это не только и даже не столько «пункт питания», сколько место разрядки, место общения, и легкого, и серьезного, творческого, здесь между занятиями можно посидеть за разговором (есть стулья, а в холле – окна), здесь бурлит своя активная студенческая жизнь.

И здесь же мы. «Преподавательский состав» разного «разряда», концертмейстеры, а если обозначить одним условно-обобщающим словом – профессора. Нас в консерватории тоже достаточно много. 100, 200 (можно уточнить в отделе кадров)? Все те, кто призваны сеять добро, вечное, а в этих великих стенах и прекрасное. У нас нет своих кабинетов, где, желая минутной передышки, не говоря о потребности сосредоточиться, собраться, можно запереться (даже диспетчерская во главе с Александрой Федоровной получила такое получасовое право посреди дня!), нет и своего личного письменного стола, в недрах которого прячется чашечка, кофеварка и всякие другие приятные ингредиенты, способные на мгновение остановить и скрасить трудовую круговерть. А общаемся мы между собой в основном стоя в коридорах, на бегу.

Когда-то, в доисторические времена, у нас был «профессорский буфет» с дивной мебелью, красивой и уютной, с чаем и разными вкусностями. Над его пепелищем давно струятся нежные звуки арфы, навеяв ностальгические воспоминания (если встать за дверью). Сколько там было говорено-переговорено интересного, послужившего стимулом для дальнейших творческих прорывов, сколько было съедено и выпито (чая), а, главное, сколько сил, душевных и физических, было сохранено для основного дела, призавшего в эти стены. Образ старого буфета давно мифологизировался, легенды о нем, обрастая вымышленными выразительными деталями, как поэтический эпос передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Это уже область искусства.

Ars longa, vita brevis! А раз «жизнь коротка», то хорошо бы скрасить ее. И удобное, комфортное место отдыха для педагогов – отличное для этого средство. Справедливости ради можно вспомнить такую попытку, когда появилось помещение на лестничном повороте под названием «профессорская» (так гласит вывеска). Пусть не очень уютное, но все же. Там были кресла и даже телефон (что совсем не обязательно), там можно было пообедать (сейчас это тоже сложно), заказать из буфета чай, кофе и еще что-нибудь, посидеть почитать, поговорить с коллегами, обсудить насущное. Затем, когда наступили новые времена, все это как то тихо закрылось...

Сейчас в нашей «профессорской» идет ремонт. И вывеска не снята. Это будит робкую надежду. Неужели?...

Проф. Т. А. Курышева,
Художественный
руководитель «Трибуны»

17 ЛЕТ СПУСТЯ

Яркие впечатления, полученные в детстве прямо или косвенно влияют на дальнейшее развитие человеческой личности. Особенно важно то, какая музыкальная атмосфера окружала человека в раннем возрасте, так как это в дальнейшем повлияло на всех нас, нынешних студентов Московской Консерватории: ведь мы связали свою жизнь с этим великим искусством.

Одно из самых ярких моих детских музыкальных впечатлений – это альбом Давида Тухманова «По волне моей памяти». Тогда, в начале 80-х годов я заслушивался этой музыкой, она меня буквально очаровывала. Но тогда, будучи еще пяти лет отроду я не мог понять тот глубокий смысл, который несли в себе композиции с этого альбома. Мне просто нравилась эта музыка, потому что она была очень мелодична, обладала необычайной энергией и не походила на те сладкие песенки, которые тогда были в моде. А тексты песен меня

привлекали своей необычностью: я их заучил наизусть и никак не мог понять те странные для меня образы, которые в них были отображены.

Такие стихи действительно никто из композиторов до Давида Тухманова не избирал в качестве литературной основы для создания рок-композиций. Это были стихи поэтов разных эпох и стран: Ш. Бодлера, И. В. Гете, А. Ахматовой, Н. Гильена... А некоторые из стихотворений, положенные на музыку Тухмановым, были написаны несколько веков, а то и тысячелетий назад (вторая и третья композиции этого альбома – на стихи Сафо и вагантов XI–XIII веков). В некоторых случаях композитор сохранил язык оригинала («Доброй ночи» на слова Шелли, «Посвящение в альбом» на слова Мицкевича), в остальных – использовал прекрасные переводы на русский язык, сделанные Л. Гинзбургом, В. Вересаевым, В. Левиком и другими талантливыми переводчиками.

ИСТИННАЯ ЗВЕЗДА

В конце сентября вышел шестой студийный альбом Стинга «Brand new day» («Совершенно новый день»). Несмотря на название, похоже, никто не ждал от певца ничего принципиально нового. Став в конце 70-х ключевой фигурой английской рок-сцены в качестве лидера группы Police, а в середине 80-х – одним из самых успешных и известных сольных исполнителей в мире, Стинг в последние годы незаметно отошел от общего течения поп-культуры. Его музыка как будто застыла на месте, «законсервировалась», оставаясь в стороне от модных веяний. Стинг образца 90-х, перешагнувший 40-летний рубеж, имеет мало общего с тем задиристым рубахой-парнем, каким он был во времена Police. Критики стали говорить о Стинге как об испившейся рок-легенде, выпускающей диски один за другим. Тем большей неожиданностью стал его новый альбом, посвященный началу нового тысячелетия.

Концептуальность построения роднит «Brand new day» и «Soul

cages» (1991) – песни в этих альбомах расположены как главы повести или романа: в каждой заключено целое мировоззрение, целая философия. Тексты Стинга всегда несли большую смысловую нагрузку, выделяясь на фоне типичной для поп-музыки незатейливости. Но в его новой работе емкость смысла сочетается с простотой высказывания зрелого поэта.

Концепция альбома базируется во многом на идеях, почерпнутых из буддизма. Бесконечная множественность жизней, времен и обстоятельств... Человек может стать кем угодно, единственным, что всегда остается неизменным – его душа. Об этом песня «A thousand years» («Тысяча лет»), открывающая альбом. В отличие от тех кого мы любим, настоящие чувства не умирают – они остаются в душе человека, даже если он и не осознает этого. Боль утраты стихает, но нигде не уходит, а значит в бесконечном движении из жизни в жизнь человек обречен на одиночество и тоску по ушедшему. События, их смена совершенно не важны, лю-

В этом альбоме необычайно органично соединились казалось бы несоединимых пласта человеческой культуры: классическая мировая поэзия и рок-музыка. В этом проявилась гениальность композитора. На музыку альбома, как потом в интервью говорил автор, огромное влияние оказало творчество группы Beatles. Действительно, это чувствуется, хотя также видно, что композитор был знаком с творчеством таких групп, как Deep Purple и Pink Floyd; но, безусловно, налицо господство в альбоме творческого стиля автора.

Для записи пластинки Давид Тухманов привлек солистов популярных в то время ансамблей («Аракс», «Самоцветы» и других). Помимо рок-группы автор использовал при записи в некоторых композициях инструменты симфонического оркестра, орган, проявив блестящее мастерство аранжировщика.

Вышедший в середине 70-х годов альбом «По волне моей памяти» завоевал такую популярность, которой не ожидал сам автор. Спустя много лет после выхода пластинки Давид Тухманов в одном из интервью сказал: «...такой большой массовый успех этой вещи был достаточно неожиданным... Я иногда сам пытаюсь

ответить на этот вопрос и думаю, что в то время был некоторый вакуум, вообще недостаток во всем новом, и в том числе и в музыке, поэтому молодежная аудитория горячо откликнулась...»

Но шло время. Коренным образом поменялись музыкальные пристрастия молодежи, появились новые кумиры у широкой публики. Музыка альбома «По волне моей памяти» почти исчезла из теле- и радио-эфира, а моя пластинка со временем пришла в негодность. В результате мне удалось вновь услышать эту музыку только через долгие семнадцать лет...

В 1997-м году на прилавках магазинов компакт-дисков появилось новое, ремастерированное издание альбома «По волне моей памяти» сделанное по авторской фонограмме, любезно предоставленной Давидом Тухмановым компании «Музыкальная ассамблея». Но мне удалось приобрести это издание лишь два года спустя после его выхода. Когда из динамиков моего музыкального центра зазвучали начальные такты первой композиции, меня охватило поистине волшебное чувство. За семнадцать лет я успел забыть начисто музыку этого альбома, но с первыми же звуками ко мне вернулись все воспоминания детства, связанные с этой музыкой. Я как будто переместился на машине времени в те счастливые годы моей жизни. И все же что-то было не так, что-то напоминало мне о настоящем: звук был другой. Вместо старой заезженной пластинки на примитивном проигрывателе звучал компакт-диск на современном музыкальном центре; и теперь я понимал, что теперь, в конце второго тысячелетия моя любимая музыка, та, на которой я вырос, вернулась ко мне навсегда (или почти навсегда).

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

Алексей Истратов,
студент IV курса

« С В Е Ж Е Е Р Е Ш Е Н И Е »

Современный человек требователен в своих запросах и падок на «свеженькое». Поэтому критерий *новизны* приобретает сейчас особое значение. Заинтересовать зрителя (слушателя = покупателя = обывателя...) – дело непростое. Как пример, вспомним известную всем нам рекламу: «MENTOS – свежее решение». Подразумевается *свежее решение старых проблем*.

Да, человечество движется вперед, ищет *новое, неповторимое*, используя для этого достижения прошлого. Такая же ситуация сложилась и в творчестве большинства современных композиторов. В их числе – Леонид Десятников, авторский концерт которого состоялся 20 декабря в Рахманиновском зале Консерватории.

Образный мир музыки этого, мало известного в профессиональных кругах, композитора завораживает с первых звуков, вовлекая в созерцание миража из едва уловимых состояний, из каскада разных настроений. Одновременно в нем присутствует некая небрежность в нанесении автором «мазков», некое раскрепощение, близкое по духу современной поп-, рок-музыке, джазу. Однако, в смысле благопристойности звучаний, все это облечено в зыбкую оболочку академизма, рождая ощущение баланса

между сферами *профессионального* композиторского творчества и, грубо говоря, *попсового*.

В вокальных сочинениях Десятникова, которые исполнялись на этом вечере впервые («Две русские песни» на сл. Р. Рильке, цикл «Любовь и жизнь поэта» на сл. Д. Хармса и Н. Олейникова и фрагменты из музыки к кинофильму «Москва»), явно присутствует феномен магнетизма. Его суть – в звуковой материи музыки, «одеждой» автором в необычные гармонические «одежды». Например в «Двух русских песнях» кто-то может услышать красочность созвучий Дебюсси или неожиданность функциональных смен Пуленка (а может быть Хиндемита?). А авторская индивидуальность? Она есть, хотя, порой, и не свободна от эклектики (например, в инструментальном сочинении «По канаве Астора» ощутима связь с музыкой Пьяццоллы).

Среди важных стиливых черт произведений Десятникова – окончания пьес, которые тотально (почти всегда) не имеют «точек»: либо стремятся *уйти* в разные плоскостные измерения (*внутрь – вне – в никуда*), либо обрываются (эффект недосказанности, а может и бесконечности высказывания).

Бесспорно успешным было исполнение фрагментов из музыки к кинофильму «Москва» (1999) для интересного инструментального состава, включающего партии аккордеона, саксофона и колоколов. Среди вокальных исполнителей важным стало участие рок-певицы Ольги Дзусовой – такое родство голоса певицы и музыки не часто можно повстречать. А, в «Колхозной песне о Москве» певица продемонстрировала свои актерские качества: стилизацией фольклорного голоса и, контрастной профессиональному, манерой исполнения.

Да, вечер был очень насыщенный и успешный. Но все же при всей «контактности» музыки Десятникова слушателю чего-то не доставало. Немалую роль в этом ощущении сыграла публика, большую часть которой составляли близкие, друзья и знакомые автора – *элита* или избранный круг *своих*. Уже по одному этому можно судить о степени популярности его музыки, а также о *закрытости* как категории, ставшей в настоящее время типичной для современных композиторов и, возможно, о их боязни того, что *«свежее решение»* может оказаться на деле «протухшим» или не прийтись по вкусу слушателям. Кто знает?

Екатерина Иванова,
студентка III курса

К О Н Ц Е Р Т С О В Р Е М Е Н Н О Й М У З Ы К И

Пространство музыки всегда обособлено от реальности цивилизации. В двадцатом веке отчужденность музыки (классической) от быта достигла кульминации: композиторы созданы в каждом произведении свой – индивидуально звучащий мир. В стремлении наиболее тонко воплотить свое мироощущение композитор наполняет сочинение звуковой символикой, загадочной игрой мотивов и аккордов, калейдоскопом соноров. (Цель замечательная, но нет ли в подчеркивании интеллектуального начала насмешки над публикой, неспособной воспринимать идеи непосредственно при прослушивании?)

15 ноября состоялся очередной концерт фестивала современной музыки «Московская осень», на котором прозвучали произведения итальянских и русских авторов: Пьеральберто Каттанео, Юрия Каспарова, Бруно Доцца. Виторио Феллегора, Валерия Котова в исполнении ансамбля современной музыки (худ. руководитель Ю. Каспаров).

Хрупкость и изысканная утонченность идеальных образов в сочетании с безумным хаосом звуков Зла легла в основу контрастов произведения Ю. Каспарова Light and shade-setting off для камерного ансамбля. Оригинальная идея – свет и тень как ипостаси единого получает оригинальное воплощение: из нежной и печальной темы скрипки вырастает мрачная мелодия фагота, «россыпь» звуков ударных и пиццикато виолончели сменяется тоскливой темой контрабаса. Кульминация – отражение в беспорядочной последовательности звуков образа тьмы, прерывается дуэтом скрипки и фагота, синтезом двух начал – света и тени, не существующих без друг друга. Сочинение Бруно Доцца Preludio alla luna для камерного ансамбля – часть цикла произведений, написанных под впечатлением текстов Дж. Леопарди и Д. Валькотти.

Тема луны предполагает создание особой колористической атмосферы красок тембров в соединении с жанровыми чертами нокturno. При почти непрерывном звучании вариантов мотивов у разных голосов произведение определено по структуре (три части). Контраст средней части – фактурно-тембровой: длящиеся мелодии крайних частей сменяются пунтилизмом звуков и созвучий. Сочинение посвящено жене композитора и, вероятно, поэтому отличается светлым лиризмом, нежной искренностью, интимностью высказывания. Оригинальная композиция всего концерта. Звучание сочинений итальянских и русских авторов в одном ряду наводит на мысль о снижении национального начала в музыке XX века и сочинение близких по духу произведений благодаря духовному родству личностей, мировоззрения...
Ирина Старикова,
студентка III курса

Ирина Старикова,
студентка III курса

Ирина Старикова,
студентка III курса

Ирина Старикова,
студентка III курса

К Л Я В Е С И Н Н Ы Й В Е Ч Е Р

В музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки с прошлого года открылся новый абонемент – цикл клavierных вечеров. Первый вечер, посвященный французским клavierистам XVII–XVIII веков, проходил в Большом зале музея. Играла и рассказывала Татьяна Амиранова Зенаишвили – одаренный исполнитель и замечательный педагог.

С 1994 года Татьяна Амиранова ведет класс клavierина в Московской консерватории а также концертирует в качестве солистки на органе и клavierине. Программа ее выступления всегда увлекательно и разнообразно построена, а прекрасная музыка сопровождается живым познавательным рассказом.

В этот раз концертная программа исполнялась на французском клavierине XVII века, изготовленном мастером Б. Шуди. Редкий аутентичный инстру-

мент находится в коллекции музея имени М.И.Глинки. Но ведь его предназначение – звучать и наполнять сердце красотой музыки. Именно поэтому московский клavierинный мастер Николай Полосков «возродил» инструмент для дальнейшей концертной жизни. Теперь атмосфера зала овевана духом старины, и звучит чудодейственная музыка, завораживая хрустальными переливами, игрой тембров старинного клavierина.

Пьесы Франсуа Куперена Великого открывают перед слушателем вереницу портретов, сюжетных зарисовок. В одном только двадцать третьем ордере из четвертой книги для клavierина (1730) перед нами предстают: Арлекин, Сатиры – козлиные ноги, женский портрет в Аллеманде «Дерзкая». А. Форкре в своей пятой сюите (c-moll) рисует целую портретную галерею: Рамо, Монтиньи, Силь-

ва, Юпитер. Эта сюита завершает программу, тонко, изящно выстроенную из сочинений Ж.-А. Д'Англебера, Луи и Франсуа Куперенов, Г. Ле Ру, Л.-Н. Клерамбо, А. Форкре.

Поэтический облик самой исполнительницы, ее завораживающий рассказ и безупречное мастерство игры настолько захватывают внимание, что концерт проходит на одном дыхании. Но время незаметно подходит к финалу со сверкающими молниями громовержца Юпитера: виртуозная пьеса Форкре создает эффектное завершение концертной программы, и слушательская аудитория приглашает Татьяну Зенаишвили снова и снова, не желая расставаться.

Следующие «клавирные вечера» вновь зовут всех желающих на уютные сказочные встречи. Приходите, музей имени М. И. Глинки ждет вас!

Людмила Назарова,
студентка III курса

З Н А К О М С Т В О С Г А Н С О М П Ф И Ц Н Е Р О М

50-летие со дня смерти выдающегося немецкого композитора Ганса Пфизнера (1869–1949) Московская консерватория отметила вечером камерно-вокальной музыкой в последних числах ноября ушедшего года. В концерте, проходившем в конференц-зале рахманиновского корпуса, исполнялись его романсы на стихи немецких поэтов-романтиков.

Пфизнера часто называют последним романтиком. Действительно, его камерно-вокальное письмо имеет много общих черт со стилем Г. Вольфа, Р. Франца и других представителей позднеромантической Lied. Любимым автором Пфизнера был Ю. фон Айхендорф, поэтическое творчество которого нашло отражение в вокальных произведениях всех немецких и австрийских композиторов XIX века.

В программе вечера принимали участие исполнители из Санкт-Петербурга – оперная певица, лауреат Международного и Всероссийского конкурсов Ольга Пчелинцева (сопрано), ей аккомпанировала Юлия Лев (фортепиано). Концерт вела искусствовед из Нижнего Новгорода, член общества Ганса Пфизнера Христина Стрекаловская. Кроме того, была организована очень интересная выставка фотографий, книг и монографий, посвященных Пфизнеру.

Прозвучали восемь романсов и шесть любовных песен. Исполнительский уровень как певицы, так и концертмейстера достоин всяческих похвал: великолепное чувство стиля, тончайше выверенный ансамбль, замечательно точная дикция и артикуляция непростых немецких текстов.

Особенно проникновенно прозвучала песня на слова Р. Гуха «Откуда эта красота». Казалось, что неземной красоты голос О. Пчелинцевой уносит в зачарованный мир мечты немецкого романтика.

Достоин сожаления неаккуратное отношение (в самом прямом смысле) к нотным материалам: перед началом исполнения Ю. Лев грубо загнула правый верхний угол совершенно нового, роскошного, прекрасно изданного тома романсов. Увы, так поступают многие концертмейстеры!..

Печально, что на таком уникальном концерте было так мало слушателей. Но я убежден, что замечательная, волнующая душу вокальная музыка Пфизнера найдет дорогу к сердцу русского человека и будет оценена по достоинству.

Григорий Моисеев,
студент III курса

З В Е З Д О Ч К А

Проходя мимо консерватории, я обратила внимание на афишу, которая собралась о концерте Катя Сканава. Мне стало интересно: раз «Катя», тогда, наверное, это не взрослая пианистка, а моя ровесница или даже младше. Привлекал и не совсем обычный репертуар – от Баха и Генделя до Рахманинова, хотя при беглом взгляде на афишу меня несколько удивило построение программы: первое отделение завершал «Карнавал» Шумана, во втором же были небольшие по протяженности пьесы. Мы привыкли, что крупные произведения, а тем более циклы обычно завершают концерт, являясь как бы его кульминацией. Однако, к концу второго отделения я, похоже, поняла, в чем дело. Но, расскажу по порядку.

Войдя в зал за пять минут до начала, я не нашла ни одного свободного места. Тем не менее, я успела занять удобный уголок на подоконнике (через десять минут и они были заняты) и приготовилась слушать. Пришлось немного подождать: народ все прибывал, и в зале было очень беспокойно, так как люди шепотом переругивались из-за занятых мест. Совершенно неожиданно, повернув голову в сторону сцены, я заметила на ней худенькую девушку, которая быстро поклонилась, села и сразу же начала играть. Зазвучал «Итальянский концерт» Баха. На протяжении всей первой части люди все еще рассаживались, что очень отвлекало. Но когда вступило Andante, меня уже ничто не могло отвлечь: игру настоящего пианиста, равно как и певица или любого другого музыканта, оценивают по тому, как он может сыграть piano. А оно меня просто потрясло. В предельно тихом звучании можно было услышать тончайшие градации динамики, при этом

совершенно ясно был различим каждый голос, как будто играл не один человек, а целый оркестр.

Пожалуй, такое владение нюансами оказало на меня самое большое впечатление, гораздо большее даже, чем филигранная техника исполнительницы. Виртуозные пассажи в Экспромте D-dur Шуберта были столь изящны и легки, как будто ветер тронул колокольчики, и они тихо зазвенели. Возникло ощущение, что Катя полностью владеет звуком и играет столь легко и свободно, что слушателю остается только наслаждаться музыкой.

Вот так у меня и создался образ камерного, утонченного стиля, свойственного пианистке. И практически вся программа концерта соответствовала ему. Даже из музыки Рахманинова были выбраны самые тонкие и нежные произведения: «Сирень», прелюдии G-dur, c-moll. И только «Карнавал» Шумана оставил у меня неприятное впечатление. Напористость, энергия некоторых персонажей этого цикла, как мне показалось, были чужды камерному стилю исполнительницы. В итоге «Карнавал» получился чересчур аффектированным, где Киарина оказалась более нервной, чем Эстрелла, а Флорестан так несся куда-то сломя голову, что я боялась, как бы он не споткнулся и не упал. Впрочем, как одну из интерпретаций, такое исполнение, конечно, можно принять.

В любом случае, концерт мне безусловно понравился, что бывает достаточно редко. Приятно, что в столь юном возрасте пианистка обладает таким тонким вкусом и мастерством. Хочется думать, что на небосклоне русского пианизма загорелась новая звездочка.

Наталья Мамонтова,
студентка III курса

В П Е Ч А Т Л Е Н И Я

Так уж получилось, что субботним вечером 26 января я побывала на двух сольных фортепианных концертах. Сцена, рояль и пианистка – на этом их сходство заканчивается. Вероятно, стоило бы написать две статьи. Но впечатление от этого своеобразно проведенного вечера сложилось у меня в одно неделимое целое.

Итак, сначала я очутилась в небольшом уютном зале консерваторского училища (что в Мерзляковском переулке). Само это здание, классы, коридоры, зал – можно, сказать, «родное гнездо» и для меня, и для пианистки, солировавшей здесь в этот вечер. Мария Джемесюк прошла в этих знаменитых стенах все ступени «предконсерваторского» образования – музыкальную школу и фортепианное отделение училища. Сейчас она студентка третьего курса Московской консерватории. И вот, состоялся ее первый сольный концерт. Программа была выбрана весьма серьезная, а в первом отделении, я бы сказала, даже рискованная: соль мажорная соната ор. 31 и 15 вариаций с фугой Бетховена. Во втором отделении прозвучали первая тетрадь «Образов» и «Остров радости» Дебюсси. Исполнение было на достаточно высоком профессиональном уровне: ощущалась крепкая, основательная школа. Несомненные достоинства пианистки – тонкий музыкальный слух, тщательная проработка всех деталей. И яркий, свежий звук, что особенно пригодились в Дебюсси. Второе отделение вызвало у меня однозначно положительную реакцию: именно Дебюсси как-то раскрепостила пианистку, появились свобода, размах. Особенно удачным было завершение концерта – «Остров радости» прозвучал на удивление эмоционально и страстно. Первое же отделение повергло меня в размышления о громадной трудности исполнения классических крупных форм. И особенно – Бетховена. А уж сыграть бетховенские вариации, чтобы было интересно слушать, чтобы охватить все целое – это, по-моему, «высший пилотаж» пианизма (по этой причине я и назвала программу первого отделения «рискованной»). Бетховен требует большой творческой зрелости. Но у Марии Джемесюк, я думаю, впереди еще длин-

ный путь самосовершенствования. И, конечно, я желаю ей добраться до самых высот музыкального Олимпа...

На вершине музыкального Олимпа в тот вечер блистала Элисо Вирсаладзе (я успела на второе отделение ее сольного концерта в Большом зале консерватории). Она играла Шопена...

Накануне утром Артем Варгафтик по радио «Эхо Москвы» совершенно справедливо говорил о трудности исполнения шопеновской программы, особенно в Большом зале. Но даже самые придирчивые критики, я уверена, сойдутся в одном: исполнение Вирсаладзе было совершенным. Ее Шопен сдержан, благороден, аристократичен. Нет ни малейшего намека на изнеженность, изломанность, манерность, вычурность. А ведь велика опасность этого, например, в первой части си минорной сонаты! Во время звучания знаменитого Largo из этой же сонаты у меня возникло ощущение, что я слышу музыку Баха, настолько это было глубоко.

В заключение концерта Вирсаладзе выходила на три классических «рихтеровских» биса – с миниатюрами Шопена. И то же благородство, никакого налета «салонности».

Аншлаг был полный. Ни одного свободного места даже во втором амфитеатре, бесконечные овации. Казалось, публика изголодалась по безупречному исполнению.

Впечатления одного вечера. Непонятно, можно ли вообще сравнивать такие «разномасштабные» явления. Но, в конце концов, Элисо Вирсаладзе тоже когда-то была студенткой третьего курса...

Ольга Белокопытова,
студентка III курса